

Одна стратегия, две тактики*

Энергетическая политика России с Украиной и Белоруссией

Нина Башкатов

Введение

В ноябре 2011 г. российский президент Дмитрий Медведев и канцлер Германии Ангела Меркель торжественно открыли первую очередь газопровода «Северный поток». Среди приглашенных высокопоставленных персон присутствовали премьер-министры Франции и Нидерландов Франсуа Фийон и Марк Рютте, а также комиссар Евросоюза по энергетике Понтер Эттингер.

Этот газопровод между российским портом Выборг и германским берегом, значительная часть которого проложена по дну Балтийского моря, представляет собой смелый технический проект. Но прежде всего это успех российской дипломатии.

Его открытие венчает 12 лет переговоров.

Надо было преодолеть технические трудности, но главное – учесть аргументы Скандинавских стран, которые опасались, что газопровод может нанести ущерб окружающей среде и угрожать их национальной безопасности; преодолеть сопротивление Польши и Балтийских государств, которые ссылались на угрозу своей энергетической безопасности и даже сравнивали российско-германский проект с пактом Молотова – Риббентропа 1939 г. Все пытались привлечь европейских партнеров по ЕС на свою сторону, используя призраки возрастающей энер-

БАШКАТОВ Нина – издатель сайта *Inside Russia&Eurasia. On-line Intelligence Bulletin of the European Press Agency*; профессор Льежского университета (Бельгия). E-mail: tsygank@gmail.com

Ключевые слова: дипломатия в сфере энергетики, Россия, Белоруссия.

* Статья в двух частях. Часть 1.

гетической зависимости Евросоюза от России.

Франсуа Фийон, в частности, отметил все «достоинства этого коллективного проекта, преуспевшего благодаря объединению всех компетенций большой Европы» в обеспечении энергетической безопасности, которая является «одной из основ наших экономик».

Владимир Путин, бывший одним из сторонников этого проекта, выразил глубокое удовлетворение тем, что европейцы подтвердили энергетическую взаимозависимость ЕС и России. Но он не обошел вниманием и другую сторону этой дипломатической победы, а именно реконфигурацию европейского энергетического пространства, которая возникала с открытием газопровода вокруг треугольника, образуемого Россией в качестве производителя, Европейским союзом как потребителем, Украиной и Белоруссией как странами-транзитерами. «Северный поток» стал ответом на российскую зависимость от Белоруссии, а трубопровод «Южный поток», который строится, является соперником европейского проекта «Набукко» и должен стать ответом на зависимость от Украины.

Но отношения между Москвой и ее европейскими партнерами не ограничиваются энергетическими обменами. Российская энергетическая политика имеет далеко идущие планы, а не только продажу и транспортировку энергоресурсов по наиболее выгодным ценам.

С середины 90-х годов Россия испытала серию кризисов в отношениях с Украиной и Белоруссией. Переговоры были тяжелыми именно потому, что речь шла о вещах, гораздо

более важных, чем просто заключение соглашений, касающихся цен за кубический метр газа, поставляемого одной стороной или транспортируемого другой.

Эти кризисы выявили для России ее собственную энергетическую зависимость, что вынудило ее пойти на переговоры, вместо того чтобы просто использовать право более сильного. Анализ сценария кризисов показывает, что российские власти недооценили желание Белоруссии и Украины использовать свое географическое положение для сопротивления давлению Кремля. Кремль был вынужден вступать в переговоры с правительствами, которые, каждое по-своему, развивали собственную энергетическую дипломатию, используя инфраструктуры, унаследованные из советского периода. Они также понимали, что через энергетическое сотрудничество их российские партнеры преследуют коммерческие, промышленные или военные цели. Это, например, проект союза Россия – Белоруссия и важность размещения радара в Барановичах – в случае Белоруссии; сохранение российского Черноморского флота в Крыму и расширение Таможенного союза – в случае Украины.

Фактически российская энергетическая стратегия в отношении Украины и Белоруссии вписывается в более широкие рамки стремления Кремля сохранить и усилить свое влияние на постсоветском пространстве через структуры СНГ, с которыми у этих стран сложились разные отношения.

Со времени опубликования своей внешнеполитической доктрины (июнь 2000 г.) российская дипломатия артикулирует свое видение ново-

го порядка после холодной войны на основе сосуществования сильных региональных организаций. В одной из статей Владимира Путина, опубликованных в период его выборной

кампании¹, он выражает убежденность в том, что Россия должна усилить свой статус региональной сверхдержавы, если хочет играть глобальную роль.

Энергетика как интеграционный фактор на пространстве СНГ

Энергетическая дипломатия России в отношении Украины и Белоруссии вписывается в более широкие рамки российских отношений со странами СНГ в целом. Как верно отмечает Жан Радвани, стремление преодолеть советскую эпоху не помешало новым независимым республикам понять, что десятилетия этой эпохи будут играть решающую роль в формулировании новых правил².

Интегрированные инфраструктуры советской эпохи, которые были «национализированы» в момент распада, представляли собой одно из наиболее очевидных наследий советского периода, и их резкий разрыв сыграл ключевую роль в экономическом крахе различных республик.

В области энергетики производственная и транспортная сеть была разделена между странами, из которых только Россия оказалась в состоянии эксплуатировать ее в одиночку, поскольку она была одновременно производителем, потребителем и транзитером. Тем самым она оказалась в положении сильного по отношению к другим, став квазиэксклюзивным поставщиком для европейских постсоветских республик (Белоруссии, Украины, Молдавии) и неизбежной транзитной страной для республик-производителей (Казахстана и Азер-

байджана – по нефти; Туркменистана – по газу). Более того, российские руководители рассматривали как свою прерогативу техническое обслуживание сети трубопроводов, построенных в советский период.

В результате энергетическая взаимозависимость стала очевидным фактом, но для России было исключено проводить в отношении стран СНГ такую же энергетическую политику как в отношении своих европейских партнеров, где исполнялись контракты, подписанные еще в советский период. Фактически не возникало вопроса о том, чтобы сводить отношения с новыми странами к их экономическому аспекту. Но в то же время либеральные круги, которые доминировали в период команды президента Ельцина, рассматривали сохранение преференционных тарифов между Россией и странами СНГ как одно из последних наследий советской экономической инфраструктуры.

Вследствие этого энергетические отношения приобрели политическое измерение большой остроты, так как именно в этом пространстве СНГ еще даже до распада СССР Кремль осознал, что экономика – это составная часть национальной и государственной безопасности*. Поэтому после

* В 1991 г. произошел разрыв экономических связей России с союзными республиками, а годом раньше это случилось со странами социалистического блока. Поставки нефти и нефтепродуктов были нарушены³.

января 1992 г. он будет воспринимать эту зону как основу восстановления своего регионального и глобального могущества.

Кроме того, с января 1992 г. Россия пытается организовать постсоветское сотрудничество, которое включает энергетику и гарантирует особую интерпретацию понятия «ближнее зарубежье», если следовать термину, выдвинутому министром иностранных дел А.Козыревым. В противоположность либеральным реформаторам, которые хотели радикального разрыва с прошлым и выстраивания отношений с республиками на новых основах⁴, он рассматривал этот регион как географическую зону, с которой Москва должна развивать особые отношения⁵. Этот подход постепенно становится доминирующим, находит отражение в доктрине внешней политики 1993 г., а затем усиливается после выборов В.Путина, который в своей доктрине (июнь 2000 г.) не только настаивает на важности отношений со странами СНГ, но и говорит, что энергетика станет козырем в соперничестве с Западом в этом регионе, которое он считает неизбежным.

Анализ эволюции экономической политики России в отношении республик показывает, что с 1993 г. вопрос о СНГ стал одним из ключевых во внешнеполитической деятельности России⁵. Москва предлагает республикам сохранение тарифных преференций и использование своей транспортной сети в обмен на их политическую и дипломатическую лояльность. Семью годами позже прагматизм В.Путина по-прежнему отстаивает важность связей со странами СНГ, но концепция внешней по-

литики, подписанная им (июнь 2000 г.), подчеркивает значение экономического роста как «решающего условия для того, чтобы Россия могла обеспечить себе достойное место в мире»⁶.

Он не говорит об энергетике, но она будет неоднократно упомянута тогдашним министром иностранных дел И.Ивановым, который заложил основы «энергетической дипломатии», устанавливающей связь между энергетикой, экономическим развитием и российскими национальными интересами.

В 2000 г. он пишет: «В настоящее время черное золото стало составной частью и мощной движущей силой мировой политики... Стабильное обеспечение энергоресурсами, беспрепятственный доступ к этим ресурсам занимают приоритетное место в составе целей внешней политики каждого значительного государства»⁷.

Этот политический поворот утверждается еще до того как новый президент вступает в свою должность.

В мае 2000 г.⁸, когда члены СНГ обсуждают политическое будущее Газпрома, кажется, что российский гигант постепенно приспосабливает свои тарифы к этому рынку; что особые тарифы будут резервированы российским клиентам и республикам, которые взамен откроют перед российскими компаниями свои национальные предприятия, прямо или опосредованно связанные с энергетикой.

Новый поворот наблюдался летом 2005 г., в период, когда некоторые страны, в частности Украина, рассматривают возможности интеграции в НАТО или в Европейский союз, а точнее, на саммите СНГ в Казани,

где российские представители сказали, что любая независимая страна имеет право стать членом любой организации, но в таких случаях не должна рассчитывать на льготные тарифы со стороны России.

По выражению министра иностранных дел С.Лаврова, отныне «отношения с СНГ будут основываться на международных нормах и законах, а не на привилегиях, как прежде»⁹.

Другими словами, Россия может продолжить предлагать преференции, но только в том случае, если они послужат ее экономическим и политическим интересам.

Нет смысла соглашаться на экономические жертвы, если политические дивиденды не соответствуют уровню сделанных уступок. Скоро окажется, что отныне Россия не боится противостояния и может менять свою манеру переговоров о контрактах по сравнению с предыдущим периодом, когда противоречия, возникавшие между производителями и потребителями, решались в последнюю минуту путем заключения очень кратковременного соглашения, подписание которого часто было связано с созданием двусторонних комиссий, наделенных полномочиями обсуждения будущего повышения цен и возможностью формирования смешанных компаний в энергетических секторах.

Именно в этом контексте надо рассматривать первый газовый кризис между Россией и Украиной, который представляет собой ключевое событие в отношениях России со странами СНГ, а также с Европейским союзом.

Этот кризис на деле подтолкнул постсоветские республики к развитию собственных энергетических дипломатий, представляющих собой, по существу, стратегии обхода России. Вместе с тем они не ставят под вопрос ни свое сотрудничество с институтами СНГ, как и само их существование, ни свои двусторонние отношения с Россией, которые отвечают их национальным интересам.

В зависимости от того, идет ли речь о стране-производителе, транзитной стране или стране-потребителе, а также от географического положения, речь идет о том, чтобы найти партнеров вне России, чтобы создать независимую трубопроводную сеть, модернизировать собственные инфраструктуры и диверсифицировать источники снабжения.

Кооперация с Западом – это средство ограничить российский вес, особенно для республик, расположенных на европейском континенте¹⁰, а партнерство с развивающимися странами, в частности с Китаем, позволяет обходить условия, которые выдвигает ЕС.

Все эти варианты предлагают постсоветским странам новую политическую перспективу и средство освободиться от российской монополии, вписываясь в политику реформ и в мир глобализированной экономики. Но утверждая, что Запад помогает республикам диверсифицировать их энергетическую политику, они осложняют отношения этих новых государств с Россией, которая усматривает в этом подтверждение наличия заговора, направленного на уменьшение российского влияния в зоне СНГ.

Белорусский и украинский примеры хорошо отражают сложности взаимоотношений с Россией, которая ведет свою энергетическую политику все жестче по мере того, как она более активно вступает в соперничество с Западом за влияние на постсоветском пространстве.

Не является случайностью, что энергетические кризисы между Россией и членами СНГ затронули именно Белоруссию и Украину, которые обеспечивают 80% транзита российских углеводородов в Европу. Это страны, которым Россия хочет помешать попасть в орбиту влияния Запада. Для Москвы наихудшим сценарием стало бы их членство в НАТО, тогда весь российский экспорт на европейский рынок проходил бы через территорию стран – членов альянса, который Москва рассматривает как

угрозу своей безопасности и который уже обосновался на берегах Черного моря со вступлением в НАТО Болгарии и Румынии.

Именно поэтому Россия пошла на рискованный конфликт с Украиной при Викторе Ющенко, который, в противоположность Александру Лукашенко, пользовался поддержкой Запада. Однако Россия недооценила политические последствия и не учла в полной мере ту поддержку, которую имела Украина со стороны Европейского союза.

Перипетии этого кризиса показали, что эти страны являются слабым звеном в российской энергетической безопасности. Это оправдывало в глазах Кремля цену двух крупных обходных проектов – «Северного потока» по дну Балтийского моря и «Южного потока» по дну Черного моря.

Международная изоляция Белоруссии как козырь для Кремля

Растущая изоляция режима Александра Лукашенко со стороны Запада была определяющим элементом политики, которую Россия избрала в отношении Минска и конечной целью которой было усиление позиций Газпрома, скупающего государственную трубопроводную компанию Белоруссии Белтрансгаз.

Но отношения между Москвой и Минском не ограничиваются транзитом 20% российского газа на европейский рынок и даже транзитом сырой нефти, который в отдельные годы составлял от 50 до 70% всего экспорта за пределы СНГ. В действительности ставка в политике выходит далеко за пределы энергетических вопросов и хорошо иллюстриру-

ет способ, как Россия использует свой энергетический потенциал в зоне СНГ. В то же время это показывает, как транзитные страны могут, в свою очередь, развивать собственную энергетическую дипломатию.

Белоруссией с 1994 г. руководит Александр Лукашенко, которого Запад считает последним диктатором Европы.

В действительности Лукашенко с самого начала хорошо понял, что, являясь президентом достаточно зависимой от России страны, он не полностью беззащитен. Белоруссия не только транзитная страна, на ее территории находится военная инфраструктура, совместно управляемая двумя странами – российский радар

и система орудий воздушной обороны*, которые являются важным элементом безопасности российских границ с учетом расширения НАТО на Восток.

Кроме того, она является опорой институтов СНГ и партнером Российско-белорусского союза**. Эта ситуация, которая вынуждает Россию беречь своего партнера и которую сама Белоруссия использовала на протяжении многих лет, чтобы обеспечивать себе российскую поддержку.

В начале выбор Белоруссии в пользу участия в институтах СНГ объяснялся ее желанием оставаться «сборочным цехом», которым она была в советский период¹¹. Это побуждало к сохранению тесных связей с Россией для того, чтобы пользоваться преференциальными энергетическими ценами на российском рынке. В переговорах, которые касались отношений между двумя странами в области энергетики, белорус-

ские власти упорно отстаивали свое право на льготные тарифы из-за их верности институтам СНГ и существованию проекта Союзного государства***. При каждом удобном случае президент Лукашенко без колебаний разыгрывал эту карту**** и еще совсем недавно он интерпретировал свое участие в Таможенном союзе с Россией и Казахстаном как гарантию получения дешевой энергии*****.

На деле – и это очень хорошо понял Кремль – сохранение тесных связей с институтами, созданными на пространстве СНГ, меньше отражает поддержку российского влияния, чем слабость режима, выживаемость которого зависит от способности президента Лукашенко сохранять экономический потенциал страны с целью гарантировать социальный мир. Доступ к энергии по заниженным ценам представляется, таким образом, основой основ¹⁴ – ситуация, которая делает Кремль, через энер-

* На основе Договора от 6 октября 1999 г. была создана «региональная группа объединенных сил», совместно использующая систему установок на белорусской территории и предусматривающая унификацию сил противовоздушной обороны. 1 октября 2004 г. в Барановичах взамен радара «Скрунда» введен в строй радар «Волга». В марте 2006 г. система российской противоракетной обороны в Белоруссии была укреплена установкой S-300.

** Российско-белорусский союз – проект, реализованный в рамках избирательной кампании Бориса Ельцина в 1996 г. Союзный договор, формализующий предыдущие соглашения, подписан 8 декабря 1999 г. В.Путин никогда не был приверженцем договора, будучи более заинтересован в Таможенном союзе. Не желая открыто критиковать его за медлительность переговоров, президент Лукашенко регулярно обвиняет в саботировании проекта «некоторые российские круги».

*** Как заявил А.Лукашенко, цены на газ для Беларуси – это не какая-то «благотворительность». Это означает, что Россия «не платит по каким-то направлениям», в том числе «за объекты, за границу, за транзит, за таможи и так далее»¹².

**** В феврале 2004 г. он обвиняет Россию в прекращении поставок газа «во время 20-тиградусных морозов населению, в жилах половины из которого течет русская кровь», и говорит о «крупномасштабном терроризме», «самом ужасном акте против Белоруссии после Второй мировой войны»¹³.

***** Таможенный союз вступил в силу 1 января 2010. Лукашенко рассчитывает на освобождение от таможенных сборов на поставки российской и казахстанской нефти.

гетические компании, арбитром внутренней политики страны.

Хотя Лукашенко понял мотивы, по которым Москва не может до определенного момента портить отношения с Минском, но он не уловил того, что российская поддержка Белоруссии не равнозначна поддержке его лично. Это доказывает и российская позиция во время президентских выборов 2001* и 2010** гг. В обоих случаях российские СМИ получили зеленый свет для критики белорусского президента и сделали это с тем большим усердием, что он сделал многое, чтобы максимально осложнить жизнь российским журналистам в Белоруссии.

Все, что нужно было Москве от Минска, как, впрочем, и от Киева, это чтобы режим не был враждебным по отношению к Москве. При этом неважно, какие отношения они имеют с другими партнерами, а личность руководителя тем более безразлична. Растущая враждебность Запада к Минску, начиная с 2002 г.***, несмотря на краткий период, когда Европейский союз хотел «склонить к себе» Белоруссию, последовавшая затем девальвация белорусской валюты, облегчили задачу

России. Она согласилась на сотрудничество с Лукашенко, не имевшим альтернативы России, исходя из известного американского принципа «он, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын».

Таким образом, российская политика, являясь по своей сути вполне прагматичной, состоит в том, чтобы помочь Лукашенко сохранить власть и вместе с тем оказывать на него политическое и экономическое давление, добиваясь своих целей. С 1993 г., когда Газпром объявил, что его конечная цель – получение контроля над государственной компанией Белтрансгаз, обладающей монополией над сетью белорусских газопроводов, он без колебаний поддерживает льготные тарифы и продолжает накапливать долги, рассчитывая на поддержку российских властей, чтобы вынудить своих белорусских партнеров преобразовать эти долги в право участия в управлении компанией.

Последовательные энергетические кризисы также способствуют тому, чтобы Белоруссия вернулась к своим обещаниям приватизировать монополию. Однако порой, когда решение кажется близким, партнерам

* Скандинавцам встречались не только представители российской оппозиции из Союза правых сил. Они приглашались и чиновниками, близкими к президентской администрации, которые надеялись найти в одном из них альтернативу Лукашенко. Некоторые российские и белорусские СМИ говорят об этом как о «профинансированном шоу»¹⁵. В конечном итоге, по выражению тогдашнего советника по внешней политике Андриана Миграняна, «Кремль имел выбор между Лукашенко, который поддерживал объединение, совместную оборону и общее валютное пространство России и Белоруссии, и руководством Народного фронта, которые стремились к созданию антироссийской Белоруссии... В будущем мы должны подумать об альтернативе Лукашенко, но пока ее не видно»¹⁶.

** С июля 2010 г. российские СМИ соревнуются в критике Лукашенко. Одна из телепрограмм НТВ была озаглавлена «Крестный батька».

*** Год первого черного списка лиц, которым отказано в визах, в котором фигурирует и сам президент.

почти удается договориться по оценке стоимости Белтрансгаза и энергетическим долгам Белоруссии, президент Лукашенко, который хотел бы возместить долги наличностью, неоднократно исключал Белтрансгаз из списка предприятий, подлежащих приватизации.

Именно так за год до весьма резонансного украинского кризиса 2005–2006 гг., энергетический кризис в СНГ столкнул Газпром с Белоруссией, которая рассматривалась как союзник Москвы. При этом Россия была более свободна, ибо белорусский президент с 2002 г. находился в сложных отношениях с Западом*.

Тем не менее, следует различать два фронта: газовый и нефтяной, что означает и соответствующую направленность российских интересов, поскольку нефтяной сектор уже был приватизирован, а в газовом секторе господствует государственная компания Газпром.

Первый крупный газовый кризис происходил в два этапа: 1 января и 18 февраля 2004 г., хотя уже было несколько кратковременных прекращений поставок, в частности в 1994 г. из-за задержек платежей, и в 2002 г., когда, едва переизбравшись, Лукашенко пересматривает свое обещание приватизировать Белтрансгаз. Этот кризис отразил недовольство Газпрома в отношении своего белорусского партнера, который на протяжении всего 2003 г. отказывался выполнять соглашение от 2002 г.,

предусматривавшее участие Газпрома в активах Белтрансгаза.

Российский премьер-министр М.Касьянов заявил о прекращении продаж российского газа по заниженным ценам, которые существовали с 1994 г., ссылаясь на то, что Белоруссия перепродавала его внутренним потребителям по двойной цене, а разница шла в фонд, который контролировался президентом Лукашенко.

Лукашенко поверил в то, что Россия готова пойти на уступки ради сохранения Белоруссии в своей орбите. Когда спор с Газпромом зашел в тупик, он попытался продемонстрировать, что имеются другие источники энергии.

1 января 2004 г. он подписывает кратковременный и дорогостоящий контракт с компаниями «Итера» и Транснефть. Через несколько недель, 18 февраля, обе эти компании, имевшие очевидные связи с Газпромом, отказались от продления контрактов.

Газпром, имея сложные отношения с Украиной, больше чем когда-либо стремился контролировать Белтрансгаз и смог навязать свои условия. В политическом отношении Россия В.Путина была уже менее склонна поддерживать Лукашенко, поскольку утратила интерес к российско-белорусскому союзу.

В марте 2006 г., едва переизбравшись, Лукашенко вновь попытался «скрестить шпаги» с Газпромом, но потерпел поражение и вынужден был согласиться на утроение цены на газ на 2007 г., а также на преобразование Белтрансгаза в компанию со

* 27 ноября 2002 г. – на следующий день после того, как США объявили запрет на его въезд в Америку за «нарушение прав человека и демократических принципов» – в Москве состоялась встреча Лукашенко и Путина. Через неделю, после объявления 14 странами ЕС эмбарго, Лукашенко было отказано в визе для участия в саммите НАТО в Праге 21 и 22 ноября 2002 г.

смешанным российско-белорусским капиталом. Но вместо того чтобы быстро уступить, как это было в 2004 г., Лукашенко перенес газовый спор в нефтяной сектор.

В качестве предлога он использует принятое Россией 12 декабря 2006 г. решение обложить сбором нефтяные поставки в Белоруссию по той причине, что Минск, импортируя сырую нефть по внутренним российским ценам, реэкспортировал переработанную продукцию по международным ценам и не делился с Москвой прибылью, которая составляла примерно 3,6 млрд долл.* Подобная практика, противоречащая подписанным соглашениям, была расценена российскими предприятиями как нелояльная. 3 января 2007 г. Минск наносит ответный удар, поднимая цену на транзит сырой нефти в Европу по нефтепроводу «Дружба» в направлении Польши и Германии до 45 долл. за тонну. Транснефть – российская нефтепроводная монополия – отказывается платить, и 8 января Россия прекращает поставки¹⁸.

На этот раз уже Лукашенко поставил Россию в сложное положение, ибо, хотя Германия и Польша обладали достаточными резервами, позволившими преодолеть кратковременное прекращение поставок, они оказались перед свершившимся фактом, а Россия в их глазах оказалась

стороной, которая не сумела предотвратить прекращение поставок¹⁹. Этот эпизод, последовавший после газового кризиса на Украине, укрепил образ России в глазах Запада как ненадежного партнера и усилил желание ЕС диверсифицировать свои источники энергии.

С другой стороны, Белоруссия продолжила свои дипломатические контакты со странами, от которых она могла бы получать энергетические ресурсы, оплачивая их продуктами переработки**. Она усилила свои контакты с Китаем, а также с другими странами СНГ, рассчитывая расширить степень свободы по отношению к России. Но все эти партнеры были также партнерами и России, а Лукашенко не может, подобно Украине, сопротивляться российскому давлению, повернувшись к Западу.

Лукашенко получил несколько месяцев передышки в 2009 г., когда Евросоюз отказался от своей политики принуждения в пользу политики привлечения, в надежде стимулировать реформы. Тогда он попытался добиться максимального от каждой из сторон, угрожая и Западу, и России броситься в объятия другого, если ему не помогут, будучи убежденным, что они не смогут позволить себе оставить Белоруссию на произвол судьбы.

Но и Россия, и ЕС выдвинули свои условия. При этом и та, и другая стороны остались недовольны Лукашен-

* В этот период, как считали в России, действующие в Белоруссии цены, коммерческие субсидии и другие привилегии составляли 7 млрд долл., т.е. седьмую часть ВВП страны в 2006 г. Основная доля прибыли была связана с нефтью. Белоруссия импортировала и перерабатывала около 17 млн т в год, 4 млн из которых потреблялось внутри страны, а остальное продавалось за границей по рыночным ценам.

** Список включает Венесуэлу, Иран, Ливию, Кубу, а также Индию, Китай, Вьетнам и другие развивающиеся страны.

ко. Тогда он сдался на милость Кремля²⁰.

В конечном итоге президент Медведев добился того, чего он хотел: ратификации белорусским парламентом 30 июня 2010 г. договора о Таможенном союзе между Россией, Беларуссией и Казахстаном*. Это сопровождалось угрозами со стороны Казахстана и России, которые заявили, что они подпишут договор без Беларуссии, если она будет продолжать выторговывать за свою подпись снижение налога на энергоносители до 2015 г., вопреки прежним соглашениям. 25 ноября 2010 г. Минск поставил свою подпись под соглашением о продаже Газпрому акций Белтрансгаза и о новых тарифах за транзит российского газа в Европу. В обмен на это Беларуссия получила возможность покупки российского газа за полцены. Дополнительный договор подтверждал вхождение России в другой энергетический сектор – ядерную энергетику; осуществ-

ление строительства атомной электростанции с частичным российским финансированием при помощи ссуды в 10 млрд долл. на 25 лет.

Понадобилось около 20 лет, чтобы Газпром, который вначале хотел добиться только участия в Белтрансгазе, получил в конечном счете полный контроль, сумев сыграть на растущей изоляции Беларуссии.

Лукашенко в течение всех этих лет сопротивлялся, но столкнувшись с изоляцией и с последствиями международного финансового кризиса, на фоне собственных трудностей, сумел лишь несколько замедлить ход событий. Торжественное открытие «Северного потока» еще более сузило для него поле для маневра.

Российские успехи на переговорах с Беларуссией послужили уроком для других ее партнеров в СНГ и показали, что с Россией зачастую проще вести переговоры, чем с ЕС, МВФ и другими международными организациями.

Примечания

¹ Путин В. Россия в меняющемся мире // МН. 2012. 27 февраля.

² Radvani J. Les Etats postsovietiques. Paris. Armand Colin: 2003. P.10.

³ Медведев Р. Советский Союз: последний год жизни. М., 2003. С.51–52.

⁴ Levesque J. L'agestion de l'ancien Empire ou les vestiges de la puissance // Critique Internationale. 2001 Juillet. № 12. P. 159–174.

⁵ Light M. Foreign Policy Thinking // Malcolm N., Pravda A., Allison R., Light M. Internal Factors in Russian Foreign Policy. New York: Clarendon Press, 1996. P. 44–48, 119.

⁶ URL: www.kremlin.ru, 28 juin 2000. Section «Le monde contemporain et la politique exterieure russe».

⁷ Иванов И. Внешняя политика России и нефтегазовая стратегия в XXI веке // Международная жизнь. Спец. выпуск. 2000. 20 марта.

* Вначале, в феврале 1999 г., Союз должен был включать также Киргизию и Таджикистан. В конечном счете было решено продвигаться втроем, оставаясь открытыми для других членов ЕврАзЭС, и формировать единое экономическое пространство, которое является конечной целью интеграции на пространстве СНГ.

- ⁸ Reunion du Conseil Economique de la CEI. 2000. 10 Mars.
- ⁹ URL: www.newsinfo.ru, 23 aout 2005.
- ¹⁰ *Tymochenko Y.* Containing Russia // Foreign Affairs. 2007. Vol. 86. № 3. Mai-Juin. P. 69-82.
- ¹¹ *Lallemand J.-Ch.* Bielorussie: la dependance energetique ou comment ne pas en sortir // Regard sur l'Est. Dossier. № 52. Dependance energetique la Russie. 2009. 1 Octobre.
- ¹² <http://eifg.narod.ru/lukabolsob.htm>.
- ¹³ *Korchagina V.* Furious Belarus Bows to Gazprom // The Moscow Times. 2004. 20 Fevrier.
- ¹⁴ *Balmaceda M., Clem J., Tarlow L.* (Eds.). Independent Belarus: Domestic Determinants, Regional Dynamics and Implications for the West. Cambridge: Davis Center for Russian Studies, Harvard University Press, 2002.
- ¹⁵ *Domash S.* Interview pour RFE/RL's, service bielorusse. 2001. 11 Mai.
- ¹⁶ Jamestown Monitor. 2002. 7 Septembre.
- ¹⁷ *Maksymiuk J.* Part II. Lukashenko subdued // RFE/RLnewsline. Vol. 6. № 235. 2002. 17 December.
- ¹⁸ The EU is to hold talks with Russia and Belarus in a bid to resolve a row which has led to a cut in oil supplies to much of Europe // BBC news website. 2007. 9 Janvier.
- ¹⁹ *Bachkatov N.* Lukashenko in a stew. And victorious Russia is complacent // Inside Russia & Eurasia // URL: www.russia-eurasia.net. 2007. 9 Fevrier.
- ²⁰ Belarus tight-rope. Lukashenko between Russia and EU // URL: www.russia-eurasia.net, 2009. 9 Juin.

**Подписка на 2013 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год